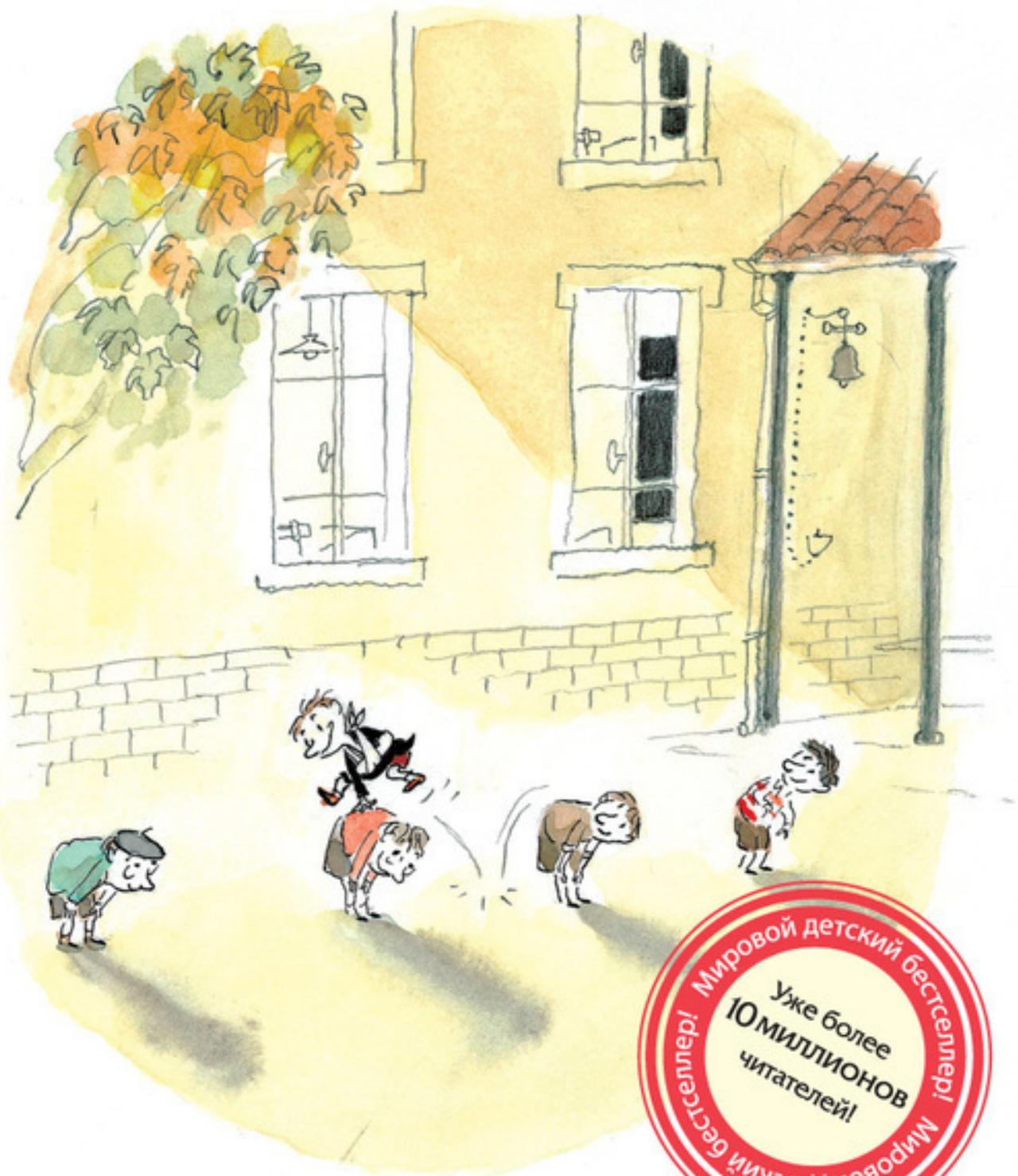

ГОСИННИ

САМПЕ

Малыш Николя на переменках

Машаon

Малыш Николая

Рене Госинни

Малыш Николая на переменах

«Азбука-Аттикус»

1961

УДК 821.133.1-32-93
ББК 84(4Фра)-44

Госинни Р.

Малыш Николя на переменках / Р. Госинни — «Азбука-Аттикус», 1961 — (Малыш Николя)

ISBN 978-5-389-12673-2

На страницах книги юных читателей ждёт встреча с их любимым героем Николя и его приятелями – Руфюсом, Альцестом, Мексаном, Клотером и другими. Этим сорванцам не приходится скучать ни минуты – они не устают придумывать себе всё новые и новые приключения, попадая порой в самые смешные и нелепые ситуации. Вам наверняка интересно узнать, как про водит время эта весёлая компания? Тогда скорее открывайте книжку!

УДК 821.133.1-32-93
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-12673-2

© Госинни Р., 1961
© Азбука-Аттикус, 1961

Содержание

Альцеста выгнали	6
Нос дядюшки Эжена	10
Часы	14
Мы делаем газету	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рене Госинни

Малыш Николая на переменках

© 1961, by Éditions Denoël New edition © 2002

© Прессман И. Л., перевод на русский язык, 2015

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015 Machaon®

Альцеста выгнали

У нас в школе случилась ужасная вещь: Альцеста выгнали!

Всё произошло утром на второй перемене.

Мы все играли в вышибалы. Вы, конечно, знаете, как в это играют: тот, у кого мяч, – охотник, он старается попасть мячом в кого-нибудь из ребят, и потом тот, в кого попали, плачет, и тогда уже его очередь становиться охотником. Это очень здорово. Не играли только Жоффруа, потому что его вообще не было, Аньян, который на перемене всё время повторяет уроки, и Альцест, который ел последний утренний бутерброд с джемом. Альцест всегда оставляет самый большой бутерброд на вторую перемену, потому что она немножко длиннее, чем остальные.

Охотником был Эд, что случается нечасто: он очень сильный, и мы обычно стараемся его не салить, потому что потом, когда охотником становится он, то салит ужасно больно. И тут как раз Эд прицелился в Клотера, тот бросился на землю и закрыл голову руками, мяч пролетел над ним и – бац! – угодил в спину Альцесту, и Альцест уронил свой бутерброд, который упал джемом вниз.

Альцесту это не понравилось, он сделался весь красный и поднял крик. Тогда Бульон – наш воспитатель – прибежал посмотреть, что происходит. Но бутерброда он как раз и не заметил, поэтому наступил на него, поскользнулся и чуть не упал. Бульон очень удивился, когда увидел, что все ботинки у него в джеме. Дальше всё было просто ужасно, потому что Альцест замахал руками и заорал:

– Эй, вы что, совсем обалдели?! Не можете смотреть под ноги? Что за дела, ничего себе, это вам не шутки!

Альцест жутко разозлился. Надо сказать, с его едой вообще лучше быть поосторожней, особенно когда речь идёт о бутерброде на второй перемене. Но и Бульон тоже разозлился не на шутку.

– Посмотри-ка мне в глаза, – приказал он Альцесту. – Что ты сказал?

– Я сказал, чёрт возьми, что вы не имеете никакого права наступать на мои бутерброды! – крикнул Альцест.

Тогда Бульон взял Альцеста за руку и увёл с собой. Ботинки у него чмокали при каждом шаге, потому что были все в джеме.

Потом мсье Мушабьер дал звонок, и перемена закончилась. Мсье Мушабьер – это наш новый воспитатель, которому мы пока не успели придумать смешное прозвище.

Мы уже вошли в класс, а Альцеста всё ещё не было. Учительница очень удивилась.

– А где же Альцест? – спросила она нас.

Мы только собрались ей ответить, когда дверь класса открылась и вошёл директор, а за ним – Альцест и Бульон.

– Все встали! – сказала учительница.

– Садитесь! – велел директор.

Вид у него был очень недовольный, у Бульона тоже не лучше, а Альцест всхлипывал, и всё его толстое лицо было в слезах.

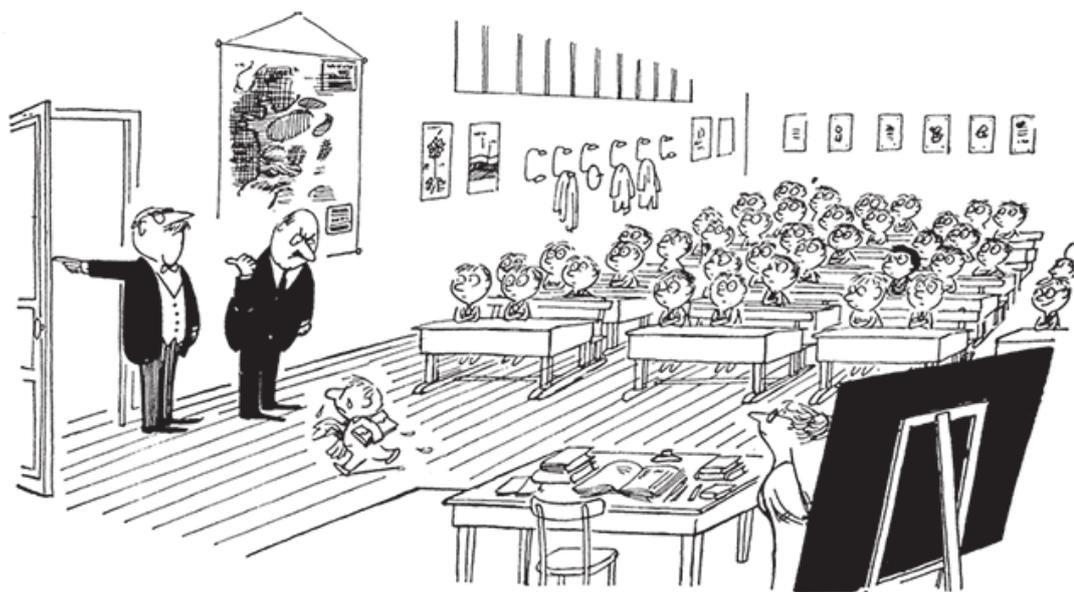
– Дети, – сказал директор, – ваш товарищ был возмутительно груб с Буль... с мсье Дюбоном. Неуважение, проявленное им по отношению к взрослому человеку, которого обязан слушаться, непросительно. За это ваш товарищ будет исключён¹ из школы. Он совершенно не подумал – да-да, конечно, не подумал, – какое страшное огорчение причинит такой поступок его родителям. Если он и в дальнейшем не исправится, то всё это когда-нибудь закончится для него каторгой – такова неизбежная участь всех неучей. Пусть случившееся послужит уроком всем вам!

И директор велел Альцесту собирать вещи. Альцест, рыдая, собрался и ушёл с директором и Бульоном.

Мы все очень расстроились. И учительница тоже.

– Я попробую это уладить, – пообещала она.

У нас всё-таки классная учительница!

Когда мы вышли из школы, Альцест ждал нас на углу улицы и ел булочку с шоколадом. Мы подошли к нему и увидели, что ему совсем грустно.

– Ты ещё не был дома? – спросил я.

¹ Временное исключение из школы на один или несколько дней – одна из самых строгих мер наказания во французской школе.

– Да нет, – тяжело вздохнул Альцест, – но придётся всё-таки идти, уже пора обедать. Когда я всё расскажу папе и маме, могу поспорить, что они оставят меня без десерта. Ох, ну и денёк, надо же...

И Альцест ушёл, волоча ноги и продолжая потихоньку жевать. Нам даже показалось, что он ест почти через силу. Бедный Альцест, мы очень за него переживали.

После обеда в школу пришла мама Альцеста. Она вела его за руку, и вид у неё был не очень-то довольный. Они зашли к директору, и Бульон тоже отправился туда.

Через некоторое время к нам в класс опять пришёл директор вместе с Альцестом, улыбающимся во весь рот.

– Все встали! – сказала учительница.

– Садитесь! – сказал директор.

Потом он нам объяснил, что решил дать Альцесту ещё один шанс. Он сказал, что делает это только ради родителей нашего товарища, которым тяжело видеть, что их ребёнок рискует остаться неуучен и докатиться до каторги.

– Ваш товарищ принёс свои извинения мсье Дюбону, который был так добр, что принял их, – сказал директор. – Я надеюсь, что ваш товарищ будет признателен за оказанное ему снисхождение, полученный им урок будет усвоен и послужит предупреждением, а своим дальнейшим поведением он искупит вину за тяжкий проступок, совершённый сегодня. Не так ли?

– Ну... да, – пробормотал Альцест.

Директор посмотрел на него, открыл рот, будто хотел что-то сказать, потом тяжело вздохнул и ушёл.

Мы были ужасно рады, и все сразу хором заговорили, но учительница постучала линейкой по столу и прикрикнула:

– Сядьте все на свои места! И ты, Альцест, иди на место и постарайся вести себя хорошо. Клотер, к доске.

Когда прозвенел звонок на перемену, мы все вышли, кроме Клотера, который был наказан, – так всегда бывает, когда его вызывают к доске. Во дворе, пока Альцест ел свой бутерброд с сыром, мы его спрашивали, как там всё было в кабинете у директора, и тут опять пришёл Бульон.

– Ну-ну, – сказал он, – оставьте вашего товарища в покое. Утренняя проблема исчерпана, бегите лучше играть! Давайте-ка!

И он взял за руку Мексана, а Мексан толкнул Альцеста, и его бутерброд с сыром упал на землю.

Тогда Альцест посмотрел на Бульона, сделался весь красный и начал размахивать руками и кричать:

– Чёрт возьми! Это просто невероятно! Вы снова за своё! Нет, кроме шуток, вы просто неисправимы!

Нос дядюшки Эжена

Сегодня после обеда меня провожал в школу папа. Я люблю, когда меня провожает папа, потому что он часто даёт мне деньги на всякую всячину. И на этот раз тоже так случилось. Мы проходили мимо магазина игрушек, и я увидел в витрине картонный нос, который надевают, чтобы посмешить друзей.

– Папа, – попросил я, – купи мне нос!

Папа сказал, что нет, что нос мне совершенно не нужен, но тут я ему показал один, большой и совершенно красный, и сказал:

– Ну, папа, купи мне вот этот, он совсем как у нашего дяди Эжена!

Дядя Эжен – папин брат; он толстый, любит рассказывать анекдоты и всё время смеётся. Мы не часто с ним видимся, потому что он ездит в разные далёкие поездки и что-то там продаёт – в Лионе, Клермон-Ферране и Сент-Этьене.

– В самом деле, – рассмеялся папа, – это просто уменьшенная копия носа Эжена. В следующий раз, когда к нам приедет твой дядя, я его надену.

Мы вошли в магазин, купили нос, и я надел его на себя – он крепится на резинке. А потом нос примерил папа, а потом продавщица, и мы смотрелись в зеркало и ужасно хохотали. Как хотите, но папа у меня потрясающий!

Папа довёл меня до школы и сказал:

– Пожалуйста, веди себя хорошо и постарайся, чтобы у тебя не было неприятностей с носом дяди Эжена.

Я пообещал и пошёл в школу.

Во дворе я встретил своих друзей и надел нос, чтобы они тоже на него посмотрели, и мы все здорово повеселились.

– Он похож на нос моей тёти Клер, – сказал Мексан.

– Нет, – возразил я, – это нос моего дяди Эжена, который всё время путешествует.

– Одолжишь мне нос? – спросил Эд.

– Нет, – ответил я. – Хочешь иметь такой нос – попроси своего папу, чтобы он тебе купил!

– Если не одолжишь, я по нему как дам! – сказал мне Эд, а он очень сильный, и тут – бац! – врезал прямо по носу дядюшки Эжена.

Мне не было больно, но я испугался, что нос дяди Эжена сломался. Я убрал его в карман и двинул Эду как следует ногой. Мы с ним дрались, а все ребята стояли вокруг и смотрели, когда прибежал Бульон. Бульон – это наш воспитатель, я вам как-нибудь расскажу, почему мы его так зовём.

– Так, – спросил Бульон, – что здесь происходит?

– Это Эд, – сказал я, – он меня ударил кулаком по носу и сломал его!

Бульон испуганно на меня посмотрел, даже наклонился к самому лицу и пробормотал:

– Ну-ка давай посмотрим...

Тогда я достал из кармана нос дяди Эжена и показал ему. Не знаю почему, но когда Бульон его увидел, то совершенно вышел из себя.

– Посмотри-ка мне в глаза, – сказал он, выпрямляясь. – Я, дружок, не терплю, когда надо мной пытаются подшутить. В четверг явишься в школу², ясно?

Я заплакал, а Жоффруа вдруг сказал:

– Нет, мсье, он не виноват!

Бульон посмотрел на Жоффруа, улыбнулся и положил ему руку на плечо:

– Похвально с твоей стороны, малыш, признаться в своём проступке, чтобы выручить товарища.

– Ну да, – продолжил Жоффруа, – виноват не он, а Эд.

Бульон покраснел, несколько раз открыл рот, собираясь что-то сказать, а потом велел остаться после уроков Эду, Жоффруа и ещё Клотеру, потому что тот смеялся. После этого он пошёл давать звонок.

В классе учительница начала рассказывать нам всякие истории про Францию, когда в ней было полно галлов³. Альцест, который сидит рядом со мной, спросил, действительно ли нос дяди Эжена сломался. Я ему ответил, что нет, что он только немного сплюсился на конце, и потом я достал его из кармана, чтобы посмотреть, можно ли починить. Когда я надавил пальцем изнутри, нос снова принял прежнюю форму, и это было здорово.

– Надень его, посмотрим, – сказал мне Альцест.

Я нагнулся под парту и надел нос, а Альцест посмотрел и сказал:

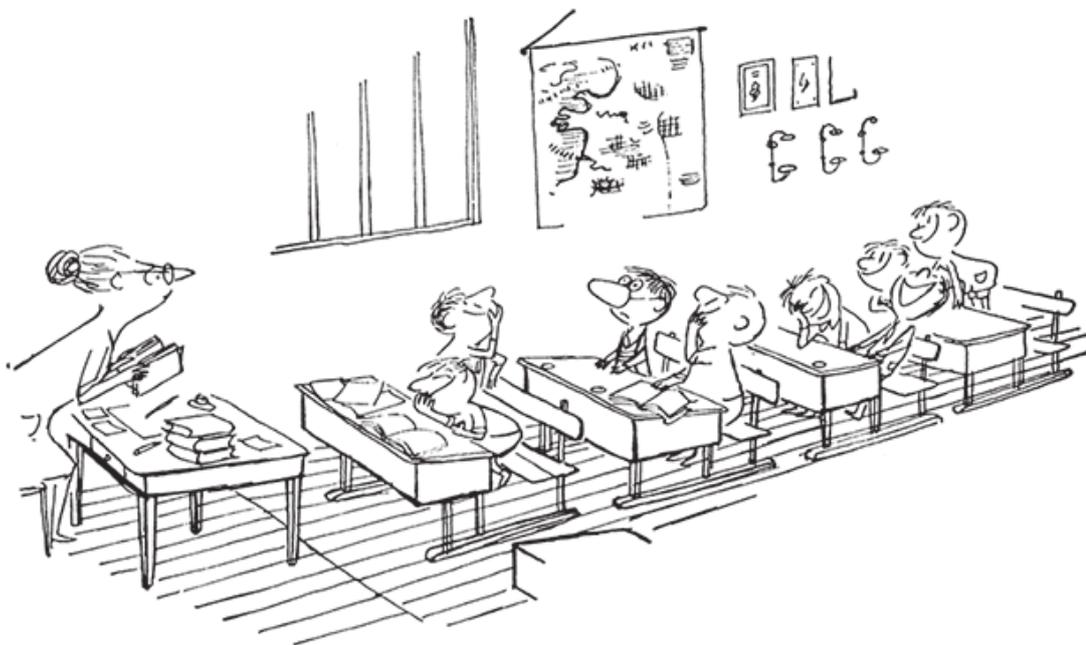
– Нормально, он в порядке.

– Николя! Повтори, что я только что сказала! – вдруг закричала учительница так громко, что я очень испугался.

² Раньше по четвергам во Франции в начальной школе не было занятий. Вызвать ученика в школу в свободный день или оставить его в классе после уроков для выполнения дополнительного задания – это серьёзное наказание.

³ В древности на территории современной Франции жили племена галлов.

Я сразу встал, и мне ужасно хотелось заплакать, потому что я не знал, что отвечать, а учительница не любит, когда мы её не слушаем. Она посмотрела на меня, и глаза у неё округлились, как недавно у Бульона.

– Что... что это у вас на лице? – спросила меня учительница.

– Это нос, который мне купил папа! – объяснил я сквозь слёзы.

Учительница рассердилась и стала кричать, что она не любит, когда валяют дурака, и что, если я буду продолжать в том же духе, меня выгонят из школы, я останусь неучём и буду позором для своих родителей. А потом она сказала:

– Дайте мне сюда этот нос!

Продолжая плакать, я подошёл к учительнице и положил нос ей на стол. Она заявила, что нос конфискован, и велела мне проспрягать глагол в предложении «Я не должен приносить на урок истории картонные носы, которые использую, чтобы валять дурака и отвлекать своих товарищей».

Когда я вернулся домой, мама посмотрела на меня и с тревогой спросила:

– Что с тобой, Николая? Ты такой бледненький!

Тогда я заплакал и объяснил ей, что Бульон в наказание велел мне прийти в школу в четверг – из-за того, что я достал из кармана нос дяди Эжена, но во всём виноват Эд, потому что это он расплющил кончик носа дяди Эжена, и что на уроке учительница тоже велела мне проспрягать кучу всего из-за носа дяди Эжена, который она у меня отобрала. Мама смотрела на меня с большим удивлением, а потом положила ладонь мне на лоб и сказала, что мне лучше прилечь и немного отдохнуть.

Когда папа пришёл с работы, мама ему сказала:

– Едва тебя дождалась! Я очень беспокоюсь! Малыш вернулся из школы в ужасно взвинченном состоянии. Мне кажется, надо вызвать доктора.

– Ну конечно! – ответил папа. – Я был уверен, что этим кончится, хоть я его и предупредил! Могу поспорить, что наш маленький балбес Николая нажил неприятности из-за носа Эжена!

Вот тут мы все очень испугались, потому что маме сделалось плохо и пришлось вызвать доктора.

Часы

Вчера вечером, когда я вернулся из школы, пришёл почтальон и принёс для меня посылку. Это был подарок от бабули. Классный подарок, вы ни за что не догадаетесь какой! Часы на браслете! Моя бабуля и мои часы просто потрясающие, вот уж все ребята обалдеют! Папы не было дома, потому что у него вечером был деловой ужин, а мама меня тут же научила, как надо заводить часы, и надела их мне на руку. К счастью, я хорошо умею определять время, не как в прошлом году, когда я был ещё маленький, а то мне пришлось бы без конца спрашивать у людей, который час на моих часах, а это было бы сложно. Особенно здорово в моих часах, что у них есть большая стрелка, которая крутится быстрее, чем две другие, по которым вообще не заметно, что они двигаются, разве только если очень внимательно и долго на них смотреть.

Я спросил у мамы, для чего нужна большая стрелка, и она мне сказала, что это очень удобно, когда надо определить, готовы ли яйца всмятку.

Жаль, что в 7 часов 32 минуты, когда мы с мамой сели ужинать, у нас не было яиц всмятку. Я ел и всё смотрел на часы, и мама сказала, чтобы я поторапливался, потому что суп остынет, и тогда я доел суп за два оборота большой стрелки и ещё чуть-чуть. В 7 часов 51 минуту мама принесла кусок замечательного пирога, который оставался от обеда, а в 7 часов 58 минут мы встали из-за стола. Мама разрешила мне немножко поиграть, и я приложил ухо к часам, чтобы послушать, как они тикают, а потом, в 8 часов 15 минут, мама велела мне идти ложиться спать. Я был очень рад, совсем как в тот раз, когда мне подарили ручку, которая повсюду ставила кляксы. Я хотел, чтобы, когда я буду спать, часы оставались у меня на руке, но мама сказала, что это вредно для часов. Тогда я положил их на ночной столик – так, чтобы мне их было хорошо видно, если повернуться на бок, и мама погасила свет в 8 часов 38 минут.

И тут началось самое замечательное! Потому что цифры и стрелки на моих часах, представляете, оказывается, блестят в темноте! Даже если бы я захотел сварить яйца всмятку, мне бы не пришлось зажигать свет. Спать мне совсем не хотелось, я только смотрел на свои часы и наконец услышал, как открывается входная дверь: это вернулся папа. Я очень обрадовался, что смогу показать ему бабулин подарок. Я встал, надел на руку часы и вышел из комнаты.

Я увидел папу, который на цыпочках поднимался по лестнице, и закричал:

– Папа! Посмотри, какие замечательные часы мне подарила бабуля!

Папа очень удивился и от неожиданности чуть не упал.

– Тише, Николая, тише! – зашикал он на меня. – Ты разбудишь маму!

Но тут зажёгся свет, и мы увидели маму, которая выходила из своей спальни.

– Мама уже проснулась, – сказала мама папе с недовольным видом, а потом спросила, подходящее ли это время, чтобы возвращаться с делового ужина.

– А что, – пожал плечами папа, – сейчас не так уж поздно.

– Сейчас одиннадцать часов пятьдесят восемь минут, – сообщил я с гордостью, потому что лично я очень люблю помогать маме с папой.

– У твоей матери всегда возникают весьма удачные идеи относительно подарков, – сказал папа маме.

– Самый подходящий момент, чтобы поговорить о моей матери, особенно в присутствии ребёнка, – ответила мама, которая, кажется, была не очень настроена шутить, а потом она велела мне: – Иди спать, мой милый, и спи крепко-крепко.

Я вернулся в свою комнату и слышал, как мама и папа ещё немного поговорили, и в 12 часов 14 минут я уснул.

Я проснулся в 5 часов 7 минут. Начинало светать, а жаль, потому что при свете стрелки на моих часах уже блестели не так ярко. Я не торопился вставать, так как в этот день в школе не было занятий, но вспомнил, что мог бы помочь папе, который всё время жалуется, что его начальник всё время жалуется, что он всегда опаздывает на работу. Я немного подождал, а в 5 часов 12 минут пошёл в комнату к маме с папой и крикнул:

– Папа! Уже светло! Ты опоздаешь на работу!

Папа очень удивился, но это было не так опасно, как на лестнице, потому что он лежал в кровати и упасть не мог. Но у него сделалось такое странное лицо, как будто он всё-таки упал. Мама тоже быстро проснулась.

– Что случилось? Что случилось? – повторяла она.

– Это часы, – объяснил ей папа. – Кажется, уже рассвело.

– Да, – сказал я, – уже пять часов пятнадцать минут, и дело идёт к шестнадцати.

– Отлично, – похвалила меня мама. – Теперь ты можешь снова лечь, потому что мы уже проснулись.

Я пошёл назад в кровать, но мне пришлось возвращаться ещё три раза – в 5 часов 47 минут, в 6 часов 18 минут и в 7 часов 02 минуты, чтобы папа и мама наконец встали.

Мы сидели за завтраком, когда папа крикнул маме:

– Поторопись с кофе, дорогая, я могу опоздать, я жду уже пять минут!

– Восемь, – поправил я.

Тут пришла мама и посмотрела на меня как-то странно. Когда она наливала кофе в чашки, то немного разлила на клеёнку, потому что у неё дрожала рука. Ох, не хотелось бы мне, чтобы мама совсем разболелась.

– Я рано вернусь обедать, – сказал папа, – и как только войду, сразу отмечусь.

Я спросил у мамы, что значит «отмечаться», но мама сказала, чтобы я не обращал внимания и шёл лучше играть на улицу.

В первый раз в жизни мне было жалко, что не надо идти в школу, потому что там я мог бы показать свои часы ребятам. Только Жоффруа однажды приходил в школу с часами. Это были часы его папы, такие огромные, с крышкой и цепочкой. У папы Жоффруа отличные часы, но, кажется, Жоффруа взял их без разрешения, поэтому у него была потом куча неприятностей, и с тех пор эти часы мы больше никогда не видели. Жоффруа сказал, что ему так влетело, что после этого мы могли бы и его самого больше никогда не увидеть.

Я пошёл к Альцесту, это мой друг, который живёт недалеко от нас, он толстый и очень много ест. Я знаю, что он встаёт рано, потому что на завтрак у него уходит много времени.

– Альцест! – крикнул я, подойдя к его дому. – Альцест! Выходи и посмотри, что у меня есть!

Альцест вышел, держа один круассан в руке, а другой во рту.

– У меня есть часы! – сказал я Альцесту, поднося руку к кончику того круассана, который торчал у него изо рта.

Альцест немного скосил глаз, проглотил и сказал:

– Какие классные!

– Они хорошо ходят, у них есть стрелка для яиц всмятку, и они блестят по ночам, – объяснил я ему.

– А изнутри они какие? – спросил меня Альцест.

Посмотреть внутри я ещё не догадался.

– Постой, – сказал Альцест и побежал обратно в дом. Назад он вышел ещё с одним круассаном и перочинным ножиком. – Дай-ка сюда свои часы, я их открою перочинным ножом. Я умею, я уже видел, как открывали папины часы.

Я отдал часы Альцесту, который начал что-то с ними делать своим ножом. Я испугался, как бы он их не поломал, и сказал ему:

– Отдай мне мои часы.

Но Альцест не захотел мне их отдавать, а всё старался их открыть, высунув от усердия язык. Тогда я попытался отнять у него часы силой, нож скользнул Альцесту по пальцу, Альцест закричал, и часы открылись и упали на землю в 9 часов 10 минут.

На них по-прежнему было 9 часов 10 минут, когда я, плача, прибежал домой. Часы больше не шли. Мама обняла меня и сказала, что придёт папа и во всём разберётся.

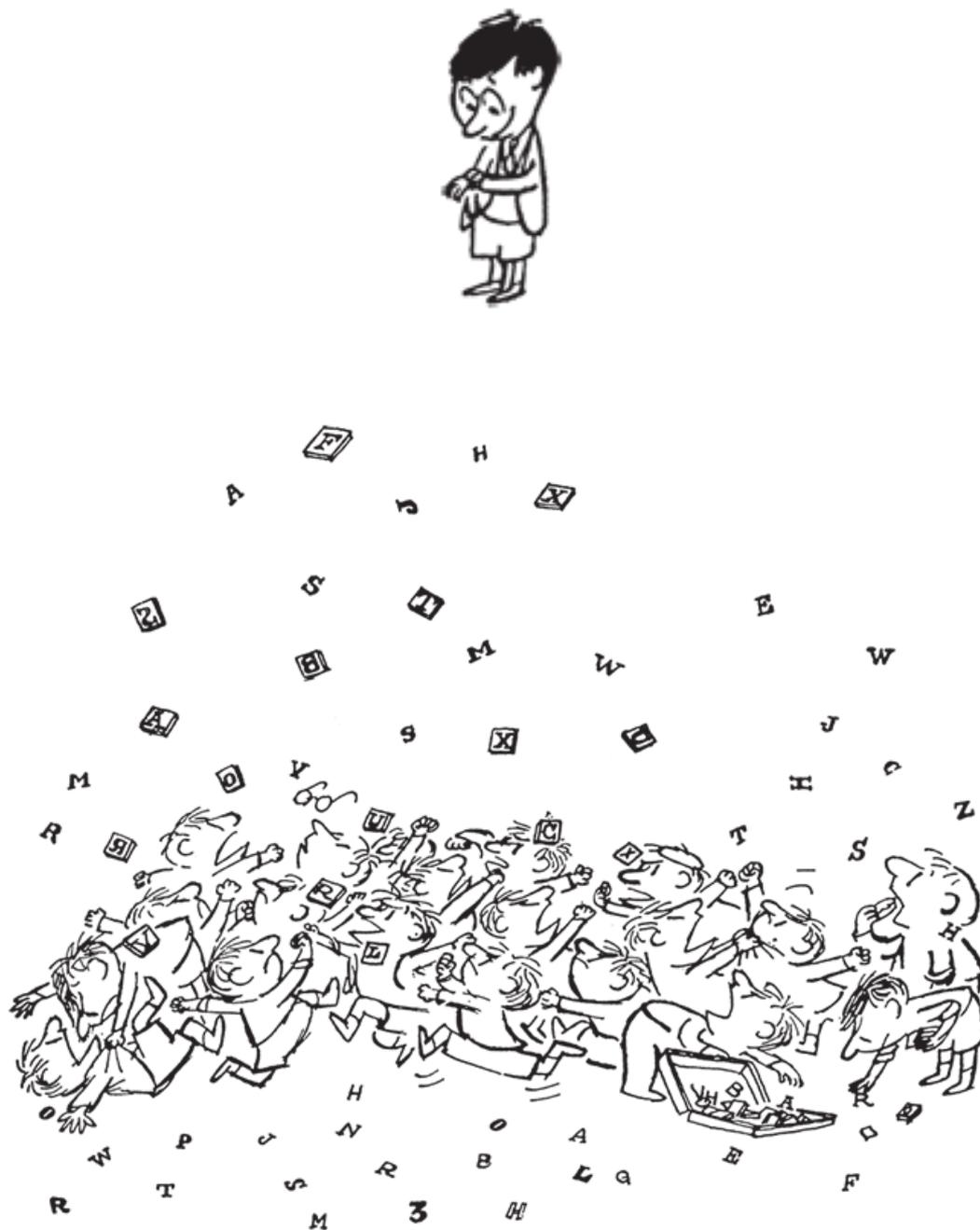
Когда папа пришёл обедать, мама дала ему мои часы. Папа покрутил колёсико, посмотрел на маму, на часы и на меня, а потом сказал:

– Послушай, Николая, эти часы уже нельзя починить. Но это не значит, что ты не сможешь с ними играть. Даже наоборот: им уже больше ничего не грозит, а смотреться у тебя на руке они будут по-прежнему отлично.

Сам папа выглядел таким довольным и мама выглядела такой довольной, что мне тоже стало хорошо.

На моих часах теперь всегда ровно четыре. Это хорошее время, время, когда пора съесть булочку с шоколадом, и цифры по-прежнему блестят по ночам.

Какой, в самом деле, замечательный подарок сделала мне бабуля!

Мы делаем газету

На перемене Мексан показал нам подарок, который сделала ему крёстная. Это был типографский набор. В коробке лежали разные резиновые буквы, их вставляют в специальный зажим, и можно составлять любые слова, какие захочешь. Потом нажимаешь на подушечку, на которую налиты чернила, такую же, как на почте, а потом жмёшь на бумагу, и получаются слова, написанные печатными буквами, как в газете, которую читает папа и всегда кричит, когда мама у него вырывает страницы с платьями, рекламой и где написано, как готовить еду. В общем, типография у Мексана была классная!

Мексан показал нам, что уже успел с ней сделать. Он вынул из кармана три листочка бумаги, на которых в разные стороны много-много раз было написано «Мексан».

– Так гораздо лучше, чем писать ручкой, – заявил Мексан, и он был прав.

– Эй, парни, – сказал Руфюс, – а не выпустить ли нам газету?

Вот это была действительно потрясающая идея, и мы все согласились, даже Аньян, любимчик учительницы, который обычно не играет с нами на перемене, потому что всё время повторяет уроки. Он ненормальный, этот Аньян.

– А назовём-то мы её как, нашу газету? – спросил я.

Тут мы не смогли договориться. Кто-то хотел назвать её «Потрясающий», кто-то – «Победитель», а другие предлагали названия «Великолепный» или «Бесстрашный». Мексан хотел, чтобы газета называлась «Мексан», и он очень рассердился, когда Альцест сказал, что это идиотское название и что он бы предпочёл, чтобы газета называлась «Деликатес», как колбасный магазин рядом с его домом. Тогда мы решили, что название подберём потом.

– А что мы будем печатать в нашей газете? – спросил Клотер.

– Как это что? То же, что в настоящих газетах, – сказал Жоффруа. – Разные там новости, фотографии, рисунки, и всякие истории про воров и убийства, и ещё биржевые котировки.

Но мы не знали, что такое биржевые котировки. Тогда Жоффруа нам объяснил, что это куча всяких цифр, которые печатаются мелким шрифтом и которые его папу в газете интересуют больше всего. Но верить Жоффруа на слово нельзя: он ужасный врун и болтает что попало.

– Насчёт фотографий, – предупредил Мексан, – учтите: я их не смогу напечатать, в моей типографии только буквы.

– Но мы же можем сами сделать рисунки, – сказал я. – Я, например, могу нарисовать замок и разных людей, которые на него нападают, и дирижабли с самолётами, которые бросают бомбы.

– А я умею рисовать карту Франции со всеми департаментами, – сказал Аньян.

– А я недавно нарисовал свою маму, как она накручивает волосы на бигуди, – сказал Клотер, – но мама потом порвала рисунок. Хотя папа успел на него посмотреть, и ему очень понравилось.

– Всё это прекрасно, – вмешался Мексан, – но если вы собираетесь совать повсюду свои паршивые рисунки, в газете не останется места для самого интересного.

Я спросил у Мексана, не хочет ли он получить по шее, но Жоаким сказал, что Мексан прав: он вот недавно написал сочинение про весну и получил за него 12⁴, теперь было бы здорово его напечатать, он там рассказывает о цветочках и птичках, которые поют «чик-чирик».

– Ты что, думаешь, мы станем зря тратить наши буквы, чтобы печатать твои «чик-чирики»? – расхохотался Руфюс, и они подрались.

– А я, – сказал Аньян, – напечатал бы там задачки, и мы бы попросили читателей присылать нам решения. И ставили бы им отметки.

Тут мы все расхохотались, а Аньян заревел и сказал, что мы злые, что все над ним смеются, и он пожалуется учительнице, и всех нас накажут, и что он вообще больше ничего не будет говорить, и так нам и надо.

Из-за того что Жоаким и Руфюс дрались, а Аньян плакал, разговаривать было трудно. Всё-таки непростое это дело, выпускать газету вместе с друзьями!

– А когда мы её уже напечатаем, что с ней будем делать дальше? – спросил Эд.

– Что за вопрос! – воскликнул Мексан. – Продавать будем! Газеты для того и делаются: их продают, становятся богатыми, а потом можно купить себе кучу всяких вещей.

– А кому мы её будем продавать? – спросил я.

– Ну, – сказал Альцест, – разным людям на улице. Будем бегать и кричать: «Специальный выпуск! Специальный выпуск!» – и все будут давать нам деньги.

– Но у нас будет только одна газета, – возразил Клотер, – и много денег мы не получим.

– Ну, – чуть подумав, сказал Альцест, – тогда я её продам за очень дорого.

– Почему это ты? Это я её продам! – заявил Клотер. – И вообще у тебя пальцы вечно жирные, только залапаешь всю газету, и покупать её у тебя никто не захочет.

⁴ Во французской школе чаще всего используется 20-балльная система оценок.

– Сейчас увидишь, какие у меня жирные пальцы, – сказал Альцест и заехал Клотеру по физиономии.

Меня это очень удивило, потому что обычно Альцест не любит драться на перемене, это мешает ему есть. Но тут Клотер очень разозлился, и Руфюсу с Жоакимом пришлось немножко подвинуться, чтобы Альцесту и Клотеру тоже хватило места, где драться. Но, между прочим, это чистая правда, что у Альцеста руки жирные. Когда с ним здороваешься, они у него всегда скользкие.

– Ну ладно, решено, – опять вмешался Мексан, – директором газеты буду я.

– Это почему же, скажите, пожалуйста? – спросил Эд.

– Потому что типография моя, вот почему! – сказал Мексан.

– Минуту! – закричал Руфюс, который как раз подошёл к нам. – Это я первый придумал делать газету, и директором буду я!

– Ничего себе! – возмутился Жоаким. – Ты что, вот так прямо меня и бросаешь? Мы же дрались! Какой ты после этого товарищ!

– Ты уже получил, что тебе положено, – сказал Руфюс, у которого из носа капала кровь.

– Не смей меня, – сказал Жоаким, который был весь исцарапан, и они снова начали драться рядом с Альцестом и Клотером.

– Только попробуй ещё раз сказать, что я весь жирный! – кричал Альцест.

– Ты весь жирный! Жирный! Жирный! – кричал Клотер.

– Если не хочешь получить в нос, – сказал Эд Мексану, – признай, что директором должен быть я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.